

Записки генерала Каховскаго о походѣ во Францію въ 1814 году.

Михаилъ Ивановичъ Каховскій, сынъ смоленскаго помѣщика, отставнаго гвардіи поручика Ивана Тимофеевича и Агаѣи Андреевны, рожденной Храповицкой, родился въ 1788 году. Воспитывался въ Шкловскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ прапорщикомъ въ 1805 году.

Въ 1812 г., 24 лѣтъ отъ роду, произведенъ въ полковники. Участвовалъ въ походѣ въ Пруссію въ 1806 году; 1807 года былъ въ сраженіи подъ Брауенсбергомъ; 1808 г. въ Финляндіи; 1809 г. въ Швеціи, за что получилъ Влад. 4 ст. съ бантомъ; въ 1812 г. подъ Клястицами сильно контуженъ въ голову—получилъ Анну 3 ст.; подъ Смоленскомъ раненъ осколкомъ гранаты въ правый бокъ—награжденъ Анной 2 ст.; за переходъ Березину произведенъ въ полковники; за сраженіе подъ Люценомъ—Георгія 4 ст.; за сраженія подъ Бауценомъ и Дрезденомъ—Влад. 3 ст.

Въ 1814 году состоялъ начальникомъ штаба гр. Витгенштейна. Имѣлъ золотую шпагу за храбрость, Краснаго Орла 2 ст., *Pour le mérite* и др. Въ этомъ же году назначенъ шефомъ Калужскаго пѣхотнаго полка.

Въ 1815 году вышелъ въ отставку за ранами и поселился въ своемъ имѣніи Смоленск. губ., гдѣ имѣлъ около 1.500 душъ.

Въ 1826 году былъ выбранъ въ уѣздные предводители Юхновскаго уѣзда Смол. губ., а 1830 г. былъ назначенъ Слободско-Украинскимъ губернаторомъ съ производствомъ въ дѣйств. ст. совѣтники.

На этой должности Мих. Ив. получилъ Анну 1 ст.

Мих. Ив. былъ женатъ на дочери смоленскаго губернскаго предв. дворянства А. Карабановой и имѣлъ нѣсколько дѣтей.

Михаилъ Ивановичъ Каховскій скончался около 1840 года въ родовомъ имѣніи.

Б. К.

Великое герцогство Баденское.

Г. Рапштатъ 1-ю января 1814 юда.

Боже благослови начало новаго года, осчастливь въ оной міръ твой миромъ, и возврати насъ со славою въ объятія родителей, родныхъ и друзей;—вотъ первая молитва моя, которую сегодня проснувшись проговорилъ я на постели еще отъ чистаго сердца къ Владыкѣ небесъ и земли, да услышитъ Онъ ее и да благословитъ событіемъ оной. Вчера ровно въ 12-ть часовъ ночи, я лишь только-что уснулъ, какъ Брежинскій прислалъ звать проводить вмѣстѣ улетающій годъ и встрѣтить вмѣстѣ же наступившій съ бутылкою шампанскаго, но сонъ былъ самой сладкой и уже не до того. Утромъ сегодня по введенному обычаю былъ съ поздравленіями: у Довре, у Кикина, у гр. Сиверса, у Левенштерна, у Акличеева и, наконецъ, у графа ¹⁾; оттуда всѣ въ церковь, гдѣ выслушали обѣдню и молебенъ, оберъ-священникъ проговорилъ проповѣдь, и я, вышедши въ одномъ мундирчикѣ, продрогъ порядочно, морозецъ мзрядной и особливо прескверный и холодной вѣтеръ.

У графа сегодня былъ большой обѣдъ, на которомъ былъ принцъ Генрихъ Прусскій и проѣзжавшій изъ главной квартиры обратно въ Карльсруе гротъ-герцогъ Баденскій, всѣ наши генералы и штабъ-офицеры, въ главной квартирѣ находящіеся. Столъ былъ хорошъ въ здѣшней картинной галлерей и, воротившись домой, когда графъ всталъ, долженъ былъ водить своихъ ховяекъ и еще двухъ здѣшнихъ генеральшъ къ графинѣ съ визитомъ. Пріѣхалъ дѣйствительный камергеръ Жеребцовъ изъ Данцига, онъ везетъ ключи этой крѣпости Государю, гарнизонъ съ Раппомъ сдался военноплѣнными и все забрано; онъ же говорилъ мнѣ, что Петру Демьяновичу ²⁾ Богъ еще даровалъ сына, но онъ ничего не пишетъ.

Пилъ чай и пуншъ съ ромомъ Кирилла Ѳедоровича у Брежинскаго, и пришедъ домой писалъ по обыкновенію письмо къ моимъ домашнимъ, получилъ отъ генерала Лисаневича и сейчасъ явился Серѣжа Микулиаъ. Дай Богъ, еще-таки скажу въ заключеніе перваго дня новаго года, чтобы я этотъ былъ

¹⁾ Графа Витгенштейна.

²⁾ Ген.-м. Петръ Демьяновичъ Каховскій кавалеръ Св. Георгія 3 степени, нач. 1 кав. дивизіи.

мнѣ счастливъ и сугубо возвращеніемъ домой и общимъ всей Европы спокойствіемъ.

Да, забылъ самое важное, сегодня надѣлъ я медали на обоихъ моихъ казаковъ и на Андрея солдатскій крестъ военнаго ордена, которой я давно уже ему обѣщалъ и который онъ заслужилъ по правдѣ, надо было вообразить себѣ ихъ радость и то, сколько это пріятно. Богъ да поможетъ цѣлый годъ дѣлать добро.

Рашиатъ 2-го января.

Утромъ сего дня читалъ долго книгу, послѣ писалъ къ сестрѣ и уже въ 11-мъ часу ходилъ къ графу съ представленіями къ прусскимъ орденамъ, онъ велѣлъ собрать ото всѣхъ и тогда представимъ снова къ Королю за Лейпцигъ. Обѣдали сегодня и ѣли пирогъ у Тишина, назвавъ его именинникомъ; сего дня переплели восьмой ежедневной журналъ отъ самаго переходу за границу по 1-е число этого года, и вотъ теперь вечеромъ принесли готовой, за то заплатилъ 2 гульдена и 48-мъ крейцеровъ. Далъ Михайлѣ на куртку и шинель 50-ть, да и то Богъ знаетъ, достанетъ ли, все дорого. До сихъ поръ не могу дочитать der Dolch, а бросить не кончивъ не хочу, между тѣмъ есть много книгъ гораздо лучшихъ. Теперь раза два уже былъ у Тишина, въ послѣдній разъ выпилъ два стакана пуншу залпомъ и прибѣжалъ тотчасъ домой, чтобы заняться дѣломъ. Вотъ въ третій разъ, сію минуту пришелъ отъ Тишина, тамъ позакусили немножко и уже ужинъ не подъ нужду. Сегодня мой Яковъ Михайловичъ насолилъ мнѣ хоть-бы и не племянничку, да за то и рѣшено уже, онъ ѣдетъ въ полкъ и пусть тамъ узнаетъ разницу между положеніемъ его до сегодня и впередъ; Богъ видитъ, что я сдѣлалъ болѣе, нежели должно, и точно столько, сколько только можно было, хотя бы и для родного сына, онъ ничего не чувствуетъ, и это легче.

Г. Рашиатъ 3-го января.

Вставъ очень рано, такъ что еще совсѣмъ было темно, покуда подали чай, дочиталъ, наконецъ, der Dolch и связалъ въ связку прочитанныя книги, послѣ чего читалъ долго газеты, гдѣ очень интересное объясненіе Наполеоново сенату, всѣхъ проишествій войны и того, сколько онъ желалъ миру, адресъ послѣ этого сенату и отвѣтъ его на оной, гдѣ онъ говоритъ, что онъ желаетъ искренно миру и что радъ сдѣлать собствен-

ныя пожертвованія, не упоминая уже нисколько о возвращеніи земель завоеванныхъ, которыя уже возвращены союзниками прежнимъ законнымъ ихъ владѣльцамъ; пріятно видѣть такое униженіе въ гордѣйшемъ властелинѣ.

Графъ до обѣда ѣздилъ въ Форъ-Люи смотрѣть, можно ли навести опять мостъ, снятой отъ проходу льду. Сегодня отпустило и шелъ снѣгъ.

Рѣшившись вчера непременно отправить Яшу и рассчитавшись съ нимъ совсѣмъ, не могъ сегодня устоять въ своемъ предположеніи, слезы его и искреннее раскаяніе тронули меня и—я простилъ, дай Богъ, чтобы это послужило ему урокомъ и, чтобы впредь подобныхъ сценъ уже не случалось. Обѣдали у хозяина, который только-что пріѣхалъ изъ Карлсруе и ему за столомъ сдѣлалось дурно, такъ-что онъ весь день ничего не ѣлъ, приходили новые баденскія войска къ Келю, очень порядочныя. Хозяинъ мой рассказывалъ, что Талейранъ пріѣхалъ въ Базель для переговоровъ и будто-бы Оффенбургъ назначенъ для конгресса, Богъ знаетъ, правда ли это и чѣмъ все кончится. Далъ коляску мою Брежинскому, который съ Шефлеромъ и Яхонтовымъ поѣхали въ Баденъ за жалованьемъ и купаться, вечеромъ графъ присылалъ за мною и велѣлъ написать приказъ на переходъ за Рейнъ и особенно на счетъ баденцевъ, чтобы они обходились хорошо съ французами, а то уже и до сихъ поръ тѣмъ жалобъ, а нашими очень довольны и принимаютъ хорошо; выпивши чашку чаю, писалъ наскоро и не знаю, будетъ ли хорошо, завтра рано надѣюсь поправить, когда Богъ дастъ утромъ мысли свѣжѣе. Яшу обманулъ было, пришедши отъ графа, что сейчасъ ѣду за Рейнъ, и заставилъ одѣться по-походному, хотя для смѣху, и самъ долженъ былъ то же сдѣлать. Брежинскій передъ отъѣздомъ съ товарищами своими вытянулъ по стакану добраго пуншу и въ дорогу еще утащилъ съ собою бутылку моего прекраснаго рому. Штевенъ не знаю за что-то прислалъ безъ меня шесть бутылокъ шампанскаго, и до сихъ поръ я не знаю, что у него за праздникъ. Смотрѣлъ сегодня моихъ верховыхъ лошадей, „Мальчикъ“ засѣкъ немного ногу; велѣлъ всѣхъ перековать къ походу. Теперь пора немножко закусить и спать, чтобы завтра поранѣе встать.

Рашиатъ 4-го января.

Славъ дурно и безпокойно, всталъ сегодня очень рано и до чаю кой-какъ поправилъ вчерашній приказъ, списалъ съ него

копію и послалъ Ивану Сергѣевичу; послѣ читалъ его графу, онъ былъ очень доволенъ и велѣлъ для баденцовъ переводить на нѣмецкой языкъ и печатать пополамъ. Сегодня для меня день счастливой письмами, до обѣдни еще получилъ въ одномъ конвертѣ отъ Доливы-Добровольскаго два письма изъ Казани, отъ Алексаши и отъ баталіоннаго его командира Трескина. Первой плохо извиняется въ шалости, пишетъ, что получилъ уже отъ Григорія посылку, которую я велѣлъ отправить, и просить о переводѣ; другой, вспомнивъ старое знакомство, отзывается объ Алексашѣ очень хорошо и пишетъ, что онъ долго былъ боленъ лихорадкою,—послѣ обѣдни получилъ въ другомъ конвертѣ при письмѣ Добровольскаго и письмо изъ дому отъ 18-го ноября, слава Богу, они были здоровы, но Курошъ не могъ не написать дорогой своей сестрицѣ, что Вася раненъ, а та всѣмъ и расщебетала, до смерти досадно, кой-чортъ просить людей мѣшаться въ чужія дѣла. Масаловъ именинникъ 7-го числа, но какъ послѣ завтра мы переправляемся за Рейнъ, то и отпраздновали именины эти сегодня, онъ далъ славной обѣдъ, народу было куча, наши ѣздившіе въ Баденъ возвратились къ самому столу, было весело и даже шалили до такой степени, забросались было хлѣбомъ и пробками, особенно же досталось бѣдному Царенцову, послѣ обѣда сидѣлъ за бумагами, отправилъ готовыя письма къ Добровольскому и читалъ немного книгу. Сегодня сдѣлалась оттепель и мостъ опять наводять, 1-й корпусъ переходитъ завтра, а мы послѣ завтра идемъ въ Гагенау. По сегодняшнимъ газетамъ лордъ Веллингтонъ шибко побилъ французовъ и 10.000 въ плѣну, дай Богъ все скорѣе къ концу. Вечеромъ опять заходили къ Масалову, тамъ во всѣхъ углахъ картежъ, выпилъ чашки двѣ добраго чаю и чашку пуншу, тихомъ за двери и, вотъ, уже раздѣвшись въ халатѣ мараю бумагу. Сегодня здѣсь клубъ, но я шуму терпѣть не могу. Завтра надо укладываться и собираться, а работы тоже скопилось изрядно, да и на письма отвѣчать надобно, уфъ! когда-то Богъ порадуетъ миромъ, ужъ мы ли не молимся и не просимъ объ этомъ.

Вотъ накрытъ уже столъ и надо немножко закусить на сонъ грядущій.

Рашиятъ 5-ю января.

Сегодня утромъ животъ у меня такъ болѣлъ и такой былъ рѣвъ, что право и не помню, когда такъ страдалъ, выпилъ вина съ мушкатнымъ орѣхомъ и самага крѣпкаго чаю чашки четыре

безъ сливокъ, но все не помогло и промучился до самаго обѣда, однакожъ надо было писать и два раза ходить къ графу; по вчерашнему писъму Иловайскаго 12-го представили его за Лейпцигъ къ саблѣ съ алмазами и еще выпросилъ у графа представленіе 28-го Егерскаго полка къ серебрянымъ трубамъ вмѣстѣ съ Тенгинскимъ и Эстляндскимъ полками, которыхъ представили къ гренадерскимъ боямъ, въ сегодняшней день у меня вышло болѣе 18-ти номеровъ. Графъ поѣхалъ купаться въ Баденъ и будетъ тамъ ночевать, да и мы завтра еще не перейдемъ отсюда, потому что мосту до сихъ поръ не могли навести, при сдѣлавшейся оттепели вода сильно прибывла и все неудобно, однакожъ 1-ой нашъ корпусъ переправляется сегодня на лодкахъ и кавалерію будутъ переправлять на паромахъ.

Утромъ проѣхалъ здѣсь англійскій министръ лордъ Каткартъ въ главную императорскую квартиру для участія въ переговорахъ мирныхъ, Боже ускори. Графъ говорилъ, что Государь еще 1-го генваря перешелъ за Рейнъ, это славно, прошлаго году въ этотъ день Государь перешелъ Нѣманъ, а ноничѣ Рейнъ. Обѣдали дома и хозяйки мои лѣчили меня горькими вареньями, горькимъ ликеромъ и запрещали кое-что ѣсть, однакожъ я всталъ изъ-за стола сытешенекъ и гораздо здоровѣе, когда сѣлъ. Балагурили о многомъ, особливо же Шефлеръ съ хозяиномъ, я сегодня сказалъ племянницѣ, что передъ выѣздомъ отсюда, что-то у нее украду,—разумѣя ландшафтъ ея шитой, которой виситъ въ моей комнатѣ, но она не догадывается и обѣ въ хлопотахъ угадывать, что я украду. Послѣ обѣда писалъ, къ чаю позвалъ Шефлера, да еще пришелъ Штевенъ и человекъ три другихъ, отправивъ конверты, выпили по чашечкѣ пуншику для окрѣпленія желудка, читали новополученные приказы и послѣ, ходя съ Густавомъ по комнатѣ, и разговаривая о счастіи мирной сельской жизни въ кругу милаго семейства, молили Бога о благодѣтельномъ мирѣ и не видя вытянули по другой.

Ложась въ постель начну читать трагедіи Шекспира. — Звали меня къ вечерни, да нельзя было.

Рахитатъ 6-ю генваря.

День Крещенія,—утромъ я опять былъ по вчерашнему же нездоровъ, однакожъ послѣ лучше; предъ обѣдомъ былъ у Довре ¹⁾

¹⁾ Начальникъ штаба гр. Витгенштейна.

я послѣ у графа, которой къ этому времени пріѣхалъ изъ Бадена и опредѣлялъ завтра, непременно, хоть на плотахъ, переходить Рейнъ;— послѣ обѣдни ходили на іорданъ на здѣшней рѣкѣ, со всею возможною церемоніею, при всемъ томъ, что дождь лилъ проливной все время и мы воротились назадъ мокрешенькіе, какъ будто выкупавшись, зрителей не взирая на дурную и мокрую погоду было множество, весь мостъ и оба берега рѣки были усѣяны; послѣ заходилъ ко мнѣ оберъ-священникъ со всѣмъ синклитомъ и пѣвчими, пропѣть „Рождество твое Христе Боже нашъ“,— пѣвчимъ далъ червонецъ; а съ священникомъ выпилъ водочки и бутылку добраго розоваго шампанскаго для праздника;— за обѣдомъ было весело; по вчерашнему спору бился въ закладъ съ племянницею хозяйскою, она проигрываетъ кошелѣкъ, а я долженъ буду купить букетъ цвѣтовъ, — кажется, я выигралъ. Вечеромъ ходилъ къ графу съ бумагами къ подписанію и испросилъ позволеніе остаться здѣсь еще дня на два, разъ что нездоровъ и второе и важнѣйшее то, что завтра вѣрно всѣ не переправятся чрезъ Рейнъ на паромахъ; а верхомъ не надѣюсь ѣхать; Шефлеръ, Брежинскій, Яхонтовъ, Петрулинъ и многіе тоже остаются со мною и поѣдемъ вмѣстѣ караваномъ.— Графъ теперь только получилъ повелѣніе идти какъ можно скорѣе къ Люневилю и мы все отъ него не отстанемъ.— Чай пили у Брежинскаго въ большой залѣ, тамъ куча народу и теперь еще играютъ въ карты; а мы сію минуту поужинали.

Рашишатъ 7-ю января.

По утру сегодня писалъ къ графу Аракчееву, прося ходатайствовать о скорѣйшемъ утвержденіи нашихъ представленій, которыя графъ подписавъ уѣхалъ; насъ много здѣсь еще осталось, да и съ выѣхавшихъ многіе возвратились, не могли переправиться, обѣ переправы такъ набиты, что даже драки, кому скорѣе сѣсть въ лодку или на паромъ. До обхода былъ долго у Брежинскаго, заходилъ къ Мосолову поздравить съ настоящимъ ангеломъ; но обѣдать не остался, не хотя обидѣть хозяина, съ которымъ время провелъ очень пріятно;— боль живота моего все еще продолжается и завтра врядъ уѣду ли, а болѣе всего за переправу.— Послѣ обѣда заходилъ опять на минуту къ Мосолову, графиня прислала записку, прося бумаги и перьевъ, теперь самъ заходилъ къ ней и отдалъ записку о дамахъ которымъ должна она визитами.— Ожидаютъ на дняхъ большого сраженія въ нашей большой арміи; Боже благослови и помоги намъ,

тогда вѣрно конецъ.—Опять заходилъ на часъ къ Мосолову и пилъ чай; послѣ сидѣлъ съ Шефлеромъ у хозяевъ, онъ толковалъ о политикѣ и Богъ вѣдаетъ о чемъ, а я о моемъ выигранномъ закладѣ; наконецъ уже знаютъ мою кражу и былъ превеликой споръ, однакожь всѣ приняли мою сторону и рѣшено тѣмъ, что сверхъ покражи долженъ я еще получить кошелекъ, хорошо, это останется пріятнымъ памятникомъ добраго и ласковаго пріему, жаль, что здѣсь не дождемся мы миру.

Рахтатъ 8-ю января.

Утромъ былъ у графини, Игнатъевъ собирался было сегодня ѣхать; но за переправой остался, а Акличеевъ отъ Форъ-Люи опять воротился, да и много нашихъ съ Преженцовымъ, однакожь дѣлать нечего, на волю Божию отправилъ послѣ обѣда свой ящикъ и верховыхъ лошадей, есть ли сегодня не переправятся, то хоть завтра рано, а я завтра уже пушусь самъ.—Завтракали у Брежинскаго, обѣдали дома и очень пріятно, ходилъ послѣ гулять, и у Брежинскаго пили чай, тамъ и теперь всѣ чиновники, наши еще здѣсь оставшіеся, заходилъ къ хозяевамъ,—смѣялись долго, одинъ профессоръ, бывшій у нихъ вчера вечеромъ, счелъ Шефлера за меня, а меня за Яшу, послѣ разсматривали прекрасный и большой планъ Парижа со всѣми подробностями; теперь должно опять идти туда ужинать и взять выигранной кошелекъ.—12-ой часъ, только что отъужинали, накормили какъ и обыкновенно болѣе нежели хорошо и выпили двѣ бутылки шампанскаго, садясь за столъ и открывъ салфетку, я нашелъ подъ оной навороченной въ бумагѣ прекрасной кошелекъ, Ей Богу, грѣхъ забыть такихъ добрыхъ, почтенныхъ хозяевъ; я далъ имъ слово по объявленіи миру непременно къ нимъ пріѣхать.

Рахтатъ 9-ю января.

Вотъ и переправились черезъ Рейнъ и уже ночуемъ по крайней мѣрѣ въ Гагенау;—утромъ распрощавшись съ графинею, съ моими хозяевами, которые увѣряли, что мы непременно воротимся, и не вѣря казаку, который пріѣзжалъ отъ переправы, увѣряя, что никакъ нельзя переѣхать, пустился въ путь въ сопровожденіи оберъ-священника и другихъ; погода была предурная, мокрый снѣгъ и вѣтеръ; но не доѣхавъ немного до деревни Ау, вотрѣтили: Акличеева, Бота, Тишина, Пота и всѣхъ прежде поѣхавшихъ; вода такъ поднялась, что даже дорогу за-

лила и пѣшимъ переправиться невозможно; 7-мь орудій и весь обозъ стоитъ на берегу, нечего дѣлать, должно было уступить невозможности и воротиться;—остановясь въ 1-ой деревенькѣ, выпили по рюмкѣ дорожной водки и отпустивъ казака къ ящику и верховымъ лошадямъ съ приказаніемъ при первой возможности переправиться и ко мнѣ пріѣхать съ рапортомъ; посадилъ съ собою же Тишина и пріѣхали въ 1-мъ часу обратно; добрые хозяева мои приняли насъ съ искреннею радостію, въ то время какъ многихъ изъ нашихъ господъ уже и на квартиры не принимаютъ—Брежинскій, Шефлеръ и Яхонтовъ уѣхали въ Баденъ къ Петрулину погулять. Ходилъ къ графинѣ и тамъ обѣдалъ съ Акличеевымъ, Обертомъ и Игнатьевымъ, которой уже въ полъобѣда явился, возвратившись съ самага берегу: послѣ заставъ хозяина за столомъ, сидѣлъ съ ними и ѣлъ варенье.—Хозяинъ мой увѣряетъ, что еще дня четыре нельзя будетъ переправиться, мнѣ бы очень было это непротивно, да двѣ бѣды, разъ, что у графа теперь никого нѣтъ, а второе то, что онъ сегодня ночуетъ уже въ Савернѣ и завтра идетъ далѣе, Богъ знаетъ какъ нагонимъ;—прежде графиня, а за ужиномъ и мой хозяинъ говорили, что въ Карльсруэ носятъ слухи, будто было въ большой арміи сраженіе близъ Дижона и продолжалось три дни: но объ успѣхѣ онаго никто ничего не знаетъ.—На вечеръ ходилъ немножко по городу, послѣ пилъ чай дома и играли у хозяина въ лото до самага ужина;—сестра хозяйская подарила мнѣ прекрасной зубочистничекъ съ золотою зубочисткою, съ надписями Amitié, въ память и такъ уже у меня отъ тетки и племянницы по памятнику, я ихъ всѣхъ обыгралъ сегодня и завтра будемъ играть еще и рассчитывать.—Ужинали у нихъ и проговорили объ этой новости и положеніи солдатъ въ жалованьи нашей арміи и ихъ войскъ. Теперь взялъ хозяина книгу и легши немножко почитаю.—Что-то Богъ дастъ завтра.

Рашиатъ 10-го января.

Сегодня ожидая казака отъ переправы съ увѣдомленіемъ, почти до самага обѣда не одѣвался, читалъ взятую у хозяина книгу, путешествіе въ Египетъ вмѣстѣ съ Шефлеромъ, тоже газеты, — ходили немножко прогуляться, изрядной морозецъ; обѣдали, какъ и всегда, прекрасно и весело и при концѣ стола явился казакъ съ извѣстіемъ, что ящикъ и верховые мои лошади уже переправились чрезъ Рейнъ,—сегодня ѣхать было уже поздно, приходилъ Игнатьевъ для совѣта и рѣшились завтра

всѣ вмѣстѣ пуститься поранѣе; — ходили съ Шефлеромъ на здѣшнюю каретную фабрику, которую очень хвалилъ мой хозяинъ; видѣлъ нѣсколько колясокъ довольно хорошихъ и одинъ дормезъ, Шефлеръ хотѣлъ купить; но дешевле 150 червонцевъ не отдавали; — тутъ возвратились изъ Бадена Брежинскій и пр., и послѣ пили чай у оберъ-священника; оттуда пришедши играли въ лото, и я выигралъ болѣе трехъ гульденовъ; — Лосенковъ отдалъ мнѣ 175-ть ассигнаціями, слѣдующіе Васѣ на обмундировку. — Размѣнялъ 200, купилъ сукна на шинель, 8-мь локтей по 4 гульдена, голову сахару 11-ть гульденовъ съ половиною и пр.: — сію только минуту отъ ужина, это послѣднее время провели особенно весело; теперь я уже напередъ распрощался и завтра надо какъ можно ранѣе уѣхать, чтобы прежде другихъ переправиться. — Боже благослови.

Франція, городъ Лаутербургъ 11-го января.

Богу милосердному благодареніе, мы уже за Рейномъ, уже въ предѣлахъ Франціи, — кто могъ вообразить себѣ при началѣ войны и даже при самомъ вступленіи нашемъ въ Пруссію, чтобы такъ далеко забрели мы, поражая враговъ; промыслъ Вышняго управлялъ нами и Ему Единому слава. — Вставъ рано послѣ чашки чаю, я поѣхалъ, думая, что хозяйева еще спятъ; но добрые, почтенные люди, генералъ, сестра его и племянница стояли въ окнахъ, когда мы вышли садиться въ коляску; поблагодаривъ ихъ отъ чистаго сердца за квартиру, которой никогда не забуду, — какъ рано ни выѣхалъ, однакожъ на перевозѣ нашелъ уже все полно повозокъ, колясокъ, лошадей, казаковъ и Богъ знаетъ чего; погода пренесносная, снѣгъ и вѣтеръ въ глаза, на берегу не было никакого пристанища, выпили однакожъ водочки и съ помощію Божіею кой-какъ взбросилъ коляску свою на малую лодку съ парю лошадей, а самъ переѣхалъ съ Акличевымъ, Игнатьевымъ и другими на большомъ перевозѣ; между тѣмъ какъ мы забирались выше въ верхъ, мою коляску тамъ снесло быстриною въ низъ, что она не могла уже пристать къ берегу въ томъ мѣстѣ, гдѣ всѣ выгружались; но привалила уже верста десять ниже и гораздо послѣ насъ пріѣхала на парѣ лошадяхъ; — мы же отъ перевозу пѣшкомъ добрались версты двѣ добрыхъ и притомъ дурной погодѣ, насилу дотащили ноги, вѣтеръ нанесъ все въ самые глаза; — здѣсь пока получили билетъ на квартиру, зашли въ трактиръ очень незавидной и пообѣдали за гроши изрядно вмѣстѣ съ Розеномъ, Мосоловымъ

Тишинымъ и другими; всѣ уѣхали до Гагенау; а мы съ Игнатьевымъ и Шефлеромъ ночуемъ здѣсь отъ того, что лошади пришли очень поздно;—на первый разъ во Франціи квартира больно плохая; коморочка аршина три въ квадратѣ да и та холодная; но между тѣмъ принимаютъ кажется съ усердіемъ;—городокъ этотъ маленькой и не хорошъ, говорятъ, что графъ нашъ сегодня уже въ Люневиллѣ и не знаю, какъ мы нагонимъ;—я хотѣлъ на половинѣ Рейна выпить бутылку шампанскаго, но какъ коляска была на другомъ перевозѣ, то и выпили уже здѣсь стаканчика по два, моля Бога о скоромъ и счастливомъ возвращеніи.—Игнатьевъ сейчасъ у меня домой и мы ожидаемъ ужина.

И сочиняемъ письмо къ ген. Гарранту.

Г. Саверне 12-ю января.

Послѣ холоднаго ночлегу, напившись чаю, въ 8-мь часовъ мы пустились въ путь до Гагенау, отдавъ хозяину письмо къ генералу Гарранту для доставленія по обѣщанію его въ Раштатъ, отъ Лаутербурга до Гагенау считаютъ 10-ть почтовыхъ часовъ и мы пріѣхали въ часъ пополудни, тутъ была уже квартира готова и мои верховыя лошади съ ящикомъ насъ ожидали; узналъ, что сѣраго жеребца не пустили на перевозъ за сапомъ и потому его бросили на той сторонѣ. Въ Гагенау остался нашъ Кривской и уже третій день тамъ кутить, вчера закупилъ весь тамошній театръ за 150 т. и велѣлъ играть для себя одного, непонимая ни слова по-нѣмецки; теперь всѣ наши прибывшіе были уже у него и мы, познакомясь съ хозяиномъ, старымъ, 80-ти лѣтнимъ капитаномъ, служившимъ въ семилѣтнюю войну противу Фридриха Великаго, который рассказываетъ много о своихъ подвигахъ, и его дочерью молодою и изрядною женщиною, женою одного французскаго офицера, находящагося теперь въ Магдебургѣ,—мы также пошли къ Кривскому, закусывали, пили шампанское и обѣдать воротились на квартиру. Столъ былъ уже парадно изготовленъ въ нижней залѣ, и мы обѣдали съ цѣлымъ семействомъ, состоящимъ изъ двухъ упомянутыхъ уже особъ, еще одной женщиною и маленькой 6-ти лѣтней дѣвочки, дочери хозяйки; она рассказывала, что въ продолженіе 7-ти лѣтъ ея замужества, она жила съ мужемъ только три мѣсяца и что дочь видѣла отца своего только 17-ть дней; столъ дали прекрасный, вина хоть не пей и между разговорами хозяйка усердно приглашала поку-

шать и попить. Во время обѣда пріѣхалъ Бурнашевъ и сѣдѣлъ съ нами, выпили тоже бутылку шампанскаго, десертъ былъ славной и я очень доволенъ этими хозяевами и жалѣлъ, что нельзя было остаться ночевать. Чтобы догнать скорѣе графа, который давно уже въ Люневиллѣ; и такъ съ порядочнымъ обинякомъ, что называемъ мы—навеселѣ,—поблагодарили за доброе угощеніе и въ 5-ть часовъ, выкормивъ лошадей, и давъ слово на возвратномъ пути къ нимъ заѣхать, рѣшились сдѣлать еще 7-мь часовъ до этого города, уже было поздно, но лошади бѣжали славно и послѣ скучной дороги, съ зажженными фонарями и опасаясь, не ошиблись ли дорогою,—наконецъ въ 10-мь уже часу достигли до Саверны и обрадовались какъ Богу, увидѣвъ огонекъ. Городъ этотъ кажется поменѣ Гагенау; но однакожь довольно великъ, имѣетъ 5.000 жителей и послѣдней въ провинціи Эльзасъ; жители здѣшніе на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ говорятъ очень дурно, съ трудомъ можно понимать. Квартиру дали здѣсь не лучше Лаутербургской и ежели не холоднѣе, то истинно также холодную;—ужинъ былъ пренегодной, да спасибо, послѣ добраго обѣда онъ не подѣлалъ нужду.—Купили бутылку коньяку за 2 франка,—выпили сейчасъ по стаканчику и ложимся спать всѣ трое, т.-е. я, Яша, Шефлеръ вмѣстѣ покоткомъ на землѣ, уже часъ ночи.

Г. Саарбургъ 13-ю января.

Послѣ прехолодно-проведенной ночи, гораздо хуже прошлой въ Лаутербургѣ, гдѣ часто просыпались. Утромъ затопили маленькую чугунную печь и отъ сырыхъ дровъ такъ накурили, что нельзя было подняться отъ полу;—при всемъ холоду должны были растворить окна и какъ можно скорѣе одѣться; чай однакожь подали поздно и послѣ вчерашняго большого переѣзду насилу могли выѣхать въ 10-ть часовъ; взяли проводника, прося Бога о мирѣ, скоромъ возвращеніи и о лучшемъ расположеніи въ квартирахъ, чего не ожидали во Франціи;—проѣхавъ два часа по большой дорогѣ подѣ самыми картечными выстрѣлами съ крѣпости Пфальцбурга, гдѣ оставленъ французскій гарнизонъ и которую блокируетъ Лялинъ,—поворотили проложенною вновь, можно сказать тропинкою около крѣпости до выѣзду до большой дороги.—Право, дураки французы, что для смѣху не пустили ядра изъ крѣпости, обозовъ шло много и сверхъ того въ то же самое время проходили эту дистанцію команда выздоровѣвшихъ и самые караулы блокады

смѣнялись, Лялинъ былъ тутъ, съ эскадрономъ Баденцовъ, кой какъ съ превеликимъ трудомъ въ предурную и снѣжную погоду, наши выѣхали на шоссе, три часа отсюда и благодаря Бога за счастливый проѣздъ, въ 3-мъ часу пополудни пріѣхали сюда, сдѣлавъ только по большей мѣрѣ 8-мъ часовъ равстоянія.— послѣ вчерашней квартиры, здѣсь слава Богу досталась та, на которой стоялъ нашъ графъ, это фабрикантъ лѣпной работы, изъ особенной массы имъ изобрѣтенной, которая замѣняетъ рѣзную работу не только не уступая, но превосходя ея; сегодня мы уже переѣхали границу Эльзаса и уже въ Лотрингін, старой Франціи, однакожь нашъ хозяинъ нѣмецъ Іосифъ Рейнатъ, говоритъ, что служилъ капитаномъ; двѣ славныя комнаты, показывалъ намъ свою работу, говоря, что это нѣмецкой домъ, можно увести съ собою въ Россію. Графъ нашъ уже за Нанси и Богъ знаетъ, куда онъ летитъ, Акличеевъ и Игнатъевъ здѣсь обѣдали и оба уѣхали, первый на почтовыхъ, а другой на своихъ, а я пожалѣлъ лошадей, но завтра хочу ночевать въ Люневиллѣ 14-ть часовъ,—хозяинъ далъ намъ книгъ. Коцебу, Ифлянда и Шиллера, и мы съ Густавомъ все время читаемъ; за то обѣду дождали до 7-ми часовъ вечера, но поѣли прекрасно и попили добраго бургонскаго и по бокалу шампанскаго, теперь выпили по стаканчику съ стариннымъ славнымъ ромомъ, и теперь Шефлеръ читаетъ *der Magnitismus* и пора спать.

Г. Люневилль 14-го января.

Славъ славно, вставъ сегодня въ 7-мъ часу утра и выправивъ ящикъ, въ 9-мъ сами пустились, поблагодаривъ хозяина за хорошее угощеніе, до Люневилля 14-ть почтовыхъ часовъ, и мы ѣхали порядочно,—погода все еще дурная и снѣгъ столько, что можно бы ѣхать и на саняхъ, право, я не знаю, что такъ много наши господа обожатели французовъ говорятъ о Франціи, земля эта какъ и всѣ другія, и мнѣ нисколько не нравится; нищѣ останавливаютъ почти на каждомъ шагу и при всемъ холоду, которой имъ гораздо ощутительнѣе, нежели намъ, бѣгутъ нѣсколько верстъ за коляскою, пока дашь имъ что-нибудь, на половинѣ дороги въ городъ Блемонте мы останавливались пообѣдать и не выпрягая лошадей зашли въ лучшій трактиръ, который очень похожъ на обыкновенную нашу харчевню, намъ дали кусокъ развареной говядины съ дурною дижонскою горчицею, по куску утки и яичницу, да

въ десертъ по яблоку и миндали на тарелку, да при этомъ мы выпили двѣ бутылки бургонскаго, — которое подаютъ здѣсь обыкновенно въ каждомъ домѣ, какъ самое дешевое вино, и разговорчивая хозяйка за это угощеніе взяла съ насъ 9-ть франковъ; отъ Блемонта 7-мь часовъ до Люневилля, мы проѣхали очень скоро и въ 5-мь часу были уже здѣсь на квартирѣ въ домѣ графа Фермона. Люневилль городъ довольно большой и памятенъ мнѣ болѣе по рассказамъ нашихъ плѣнныхъ отъ Аустерлица и кампаній 1806 и 1807 годовъ, которые все время здѣсь содержались; — эта мысль рождаетъ много разныхъ воспоминаній, какъ-то о бѣдномъ Полторацкомъ, такъ много рассказавшемъ мнѣ о своемъ здѣсь пребываніи, и о Константинѣ Курошѣ, которые оба уже наслаждаются вѣчнымъ покоемъ, миръ праху ихъ, вздохъ, вылетѣвшій при начертаніи именъ ихъ изъ груди моей, да будетъ жертвою ихъ памяти, — но полно о мертвыхъ, еще много есть живыхъ, которые увидятъ хозяевъ своего плѣна, въ числѣ ихъ и Оранскій, жаль, что его теперь нѣтъ здѣсь, то-то бы посмѣялся. Здѣсь квартира у меня въ преобладающемъ домѣ, комнаты пышныя, но прехолодныя, печей совсѣмъ нѣтъ, а пока разложили огонь въ каминѣ, явился прежде зять хозяйской, послѣ старикъ 86 лѣтній и его жена еще здоровая баба, долго толковали, ихъ сынъ служить въ австрійской службѣ фельдмаршалъ — лейтенантомъ, на вечеръ пришелъ Набель, который идетъ съ сумскими эскадронами и здѣшній комендантъ Вятскаго полка, маіоръ Огонь-Догановскій, нашъ Порѣцкой помѣщикъ, просидѣли за чаемъ и дочитали драму Ифланда *Gerbestag*, которуе нечаянно увезли съ ночлега, графъ завтра выходитъ изъ Нанси и маршрутъ до Трои.

Гор. Туль 15-ю января.

Ну, слава Богу, наконецъ, нагнали графа и теперь вмѣстѣ. Спавъ эту ночь отъ чрезвычайнаго холоду очень непокойно, встали не такъ-то рано и одѣвались у камина, послѣ чаю не видѣвшись уже съ хозяевами, съ которыми вчера еще распростались, поѣхали до Нанси и я за угощеніе хозяевамъ забылъ мой носовой платокъ. Проѣхавъ изрядной городокъ Сентъ-Никола, въ 1-мь часу пополудни явились въ большемъ и прекрасномъ городѣ Нанси, многіе говорятъ, что онъ только числомъ жителей и обширностію уступаетъ Парижу, но расположеніемъ и красивыми зданіями не хуже французской столицы, въ немъ жителей 24.000, проѣхавъ предлинную и широкую

улицу, составляющую форштадтъ, мы выѣхали въ ворота *Porte de la Constitutione* и по лучшей улицѣ подъ этимъ же названіемъ доѣхали до большой площади, прекрасно обстроенной съ главными по угламъ фонтанами, посрединѣ которой за желѣзною рѣшеткою стоитъ пьедесталъ статуи Людовика XV, которую истребили въ революцію; пустота эта на высокомъ пьедесталѣ заставляетъ каждого спросить, что тутъ было и по полученіи отвѣта, какое-то невольное отвращеніе рождается къ народу, могшему истребить законнаго государя, памятники самые древнихъ владѣльцевъ и теперь рабски повинующемуся тирану, проливающему кровь ихъ для собственной славы.

Отыскивая своего квартирьера, мы прошли пѣшкомъ довольно часть города и послѣ дали намъ квартиру за воротами съ надписью: *A Napoleon Grand*, отъ которыхъ идетъ прекрасный бульваръ до огромнаго дому правленія и передъ онымъ вокругъ бульвара прекрасной циркуль.—Наша квартира въ одномъ домѣ изъ принадлежащихъ къ правленію;—дали одну небольшую, по обыкновенію, весьма холодную комнату и пока развели огонь и велѣли готовить скорѣе обѣдъ, чтобы доѣхать досюда и нагнать графа, выѣхавшаго сегодня же изъ Нанси, рѣшились лучше осмотрѣть городъ;—утромъ сегодня былъ славной русской морозъ; но послѣ выглянуло солнышко и день сдѣлался прекрасной;—зашелъ къ намъ генералъ Левенштернъ и пошли вмѣстѣ бродить, онъ завелъ насъ въ тамошнюю каедральную церковь, построенную изъ плиты и очень недурной архитектуры. Церковь эта—какъ рассказываютъ жители, была отмѣнно богата; но богобоязливые и набожные французы во время незабвенной своей революціи увѣряли, что богатство и пышность не принадлежитъ и святынѣ и смиренію, оголили ее совершенно; отъ церкви Левенштернъ хотѣлъ провести насъ къ монументу польскаго короля, бывшаго здѣсь въ изгнаніи, но какъ это надо было сдѣлать болѣе двухъ верстъ по той улицѣ, откуда мы выѣхали, то не дойдя еще до Конституціонныхъ воротъ мы воротились и долго гуляли по городу, сопровождаемые нищими мальчишками, которые на каждомъ шагу кричали „*Vive bon Roi Alexandre*“ и просили денегъ, Шефлеръ смѣясь кричалъ имъ: „ахъ вы, измѣнники, вамъ должно кричать *vive Napoleon*“ и они тотчасъ подхватывали: „вивать *Napoleon Австрійской*“,—при всемъ сокрушеніи сердца, видя такое множество нищихъ на каждомъ шагу, въ землѣ, которую наши господа называютъ счастливою, нельзя было не смѣяться этимъ восклицаніямъ.

Передъ лавкою итальянца, продающаго астампы, мы нашли кучу народу предъ вывѣшеннымъ портретомъ нашего Императора, вовсе на него непохожимъ;—зашли въ лавку и я купилъ карту Франціи за 7 франковъ; астампы такъ дороги, что за 6-ть представляющихъ Павла и Виргинію просили 12-ть червонцевъ; оттуда воротились домой съ такою же свитою, которая отняла у меня совершенно охоту опять прогуливаться.—Дали обѣдать довольно хорошо, и явилась баба-нѣмка, родомъ изъ Цвейбрикина, надобно сказать, что мы тамъ были и что даже знаемъ скотной дворъ, гдѣ она родилась; на десертъ явились новыя нищія и съ письмами въ стихахъ, а нѣмка, видя, что мы дали имъ нѣсколько крейцеровъ, приговаривались также безъ всякаго стыда и совѣсти; но слава Богу и тутъ—какъ пишетъ Густавъ, сейчасъ въ своемъ маленькомъ журналѣ—атаку эту отразили крейцерами же;—мы тамъ выбрались новыми бритвами, которыя я досталъ отъ Вильчинскаго и простившись съ хозяиномъ, ругавшимъ безъ милосердія Наполеона, пустились въ путь;—при выходѣ изъ дверей къ коляскѣ съ одной стороны ожидала ужасная толпа большихъ и малыхъ нищихъ; а съ другой нѣсколько такихъ же музыкантовъ, отъ которыхъ насилу, насилу могли ускакать за городъ; но и на большой дорогѣ нѣтъ покою отъ нищихъ.—Сюда пріѣхали въ 7-мь часовъ, квартира маленькая, холодная и дрова до сихъ поръ дурно горять въ каминѣ.—Графъ въ концертъ, и я не знаю, увижу ли сегодня.—Выпили по стаканчику пуншу, и вотъ я сѣлъ писать свой, а Шефлеръ свой журналъ; онъ давно уже кончилъ и, читая, заставилъ насъ смѣяться;—о, пріятно будетъ, когда Богъ благословитъ, дома въ миломъ кругу прочитывать эти записки и припоминать то, что теперь предъ глазами;—Туль крѣпость; но мы пріѣхали уже тѣмно и сегодня ничего не могу замѣтить.

Деревня Гудленкуръ 16-ю января.

Сегодня по утру былъ у графа, засталъ его одного и много кой о чемъ говорили, онъ смѣялся, что я отсталъ и не могъ нагнать такъ долго;—Туль очень небольшой городъ и кромѣ одной площади, усаженной деревьями, я ничего порядочнаго не замѣтилъ; наша квартира была въ трактирѣ подъ знакомъ бронзоваго коня и хозяинъ называется Стиръ; за ковку лошадей, за которую заплатилъ я двадцать франковъ,—мы прождали въ

Тулѣ до 2-хъ почти часовъ за полдень,--обѣдали изрядно и маршъ до этой деревни. 9-ть почтовыхъ лье или часовъ сдѣлали въ 7-мъ часу вечера, дорога гориста; проѣзжали небольшой городокъ Вукулерь. Деревня эта не больно большая и даже въ домѣ простого мужика, гдѣ мы квартируемъ, не нашли печки, въ передней, гдѣ хозяева, каминъ почалъ; а въ нашей ничего и такъ холодно, что вмѣсто печки принесли горшекъ съ угольемъ и мы, выпивши по два стакана пуншу, не можемъ обогрѣться; ноги замерзли гораздо болѣе, чѣмъ въ коляскѣ, хотя и на дворѣ оттепель, все отъ каменныхъ стѣнъ;—купили пару бутылокъ вина и будемъ ужинать; къ графу не пойду—далеко, — читалъ драму и перебиралъ полученные бумаги. — Каково же спать, хоть не раздѣвайся. О милая Германія.

Городъ Жуанвилль 17 января.

Снавъ еще хуже вчерашняго отъ необыкновеннаго холоду и дурной постели, нѣсколько разъ просыпался ночью и насилу довался Михайлу съ свѣчою и велѣлъ давать чаю;—ходилъ къ графу, и дорогою зашелъ къ Авличееву, который сильно напугалъ было тѣмъ, что мы обойдены непріателемъ; но графъ имѣлъ уже рапортъ что корпусъ прусской прогналъ непріателя и уже занялъ линіи въ параллель съ нами; потолковавъ съ графомъ довольно долго и узнавъ, что намъ важно остановиться въ Жуанвиллѣ, заходилъ къ Игнатьеву и пустились въ путь,—горы большія и досадныя; насилу доѣхали, сдѣлавъ 7-мъ лье; но и тутъ подѣвзая къ городу встрѣтилъ какой-то офицеръ отъ принца Виртембергскаго и говорилъ, что съ экипажемъ нельзя нашимъ въѣхать въ городъ, потому что слышна вблизи перестрѣлка стрѣлковъ, однакожъ на волю Божию мы пустились въ городъ и ничего не слышали; пока узнали гдѣ квартира; зашли къ Пышницкому, которой здѣсь же стоитъ; пили у него водку съ Авличеевымъ и Игнатьевымъ и послѣ сюда,—квартира холодная съ каминомъ какъ и обыкновенно; но впрочемъ очень изрядная; ходилъ къ графу, который получилъ курьера, что Вреде приказано съ баварцами подкрѣпить насъ и онъ уже сегодня прибылъ и былъ у графа;—непріатель велъ сегодня дѣйствительно перестрѣлку съ нашими аванпостами и по дорогѣ къ Сентдизьеру отступилъ, говорятъ, что тамъ первая позиція французовъ, а вторая въ Шалонѣ, Наполеонъ сегодня долженъ быть въ Витри; съ другой же стороны

говорять, что непріятель очень близко, и потому мы въ осторожности.—Мы стоимъ здѣсь подъ № 814-мъ, обѣдъ дали славною и что здѣсь рѣдко по чрезвычайной дороговизнѣ сахару, поподчивали кофіемъ послѣ обѣду;—ходили къ Теслеву, который живетъ на самомъ форштадтѣ за мостомъ. Онъ еще подтвердилъ, что надо быть осторожнымъ, а у меня все здѣсь, коляска, ямщикъ и верховыя лошади—все Богомъ, право, на Него надежда.—Хозяинъ преразговорчивой, и бранить безъ милосернія Бонапарте, сколько можно разсудить, онъ дѣлаетъ это отъ чистаго сердца и дѣйствительно сколько они пострадали отъ революціи и еще болѣе отъ Наполеона, всѣ единодушно желаютъ мира и—Боже, услыши общее желаніе всѣхъ.—Къ дому Бурбонскому они душою преданы и радость видна на лицѣ каждаго, когда говорятъ, что Дюкъ-д'Ангюлемъ въ главной нашей квартирѣ.—Теслевъ увѣрилъ меня, что завтра будемъ атаковать вмѣстѣ съ Вреде, но диспозиціи еще нѣтъ; должно спать на шинеляхъ и нераздѣваясь!

Г. Жуанвилль 18-го января.

Ночь спали тепло и хорошо, но не очень покойно, опасаясь тревоги;—утромъ былъ у графа и долго съ нимъ говорили какъ о теперешнихъ движеніяхъ нашихъ и расположеніи непріятеля, такъ и о неутвержденіи до сихъ поръ представленій нашихъ и по отправленіи принца Виртембергскаго съ корпусомъ его противу непріятеля къ Васси; писалъ къ Барклаю о нашихъ рекомендаціяхъ;—графъ ѣздилъ къ авангарду, и во весь день слышна была сильная канонада какъ у насъ, такъ и у Іорка отъ Баръ-ле-Дюка; графъ возвратился къ обѣду, погода прескверная, дождь, снѣгъ и вѣтеръ попеременно.—Писалъ между тѣмъ къ Трескину и Алексашѣ и отправилъ вмѣстѣ съ письмомъ домой при запискѣ къ Доливѣ-Добровольскому. Вечеромъ получили увѣдомленіе Блюхера, что онъ былъ вчера атакованъ Наполеономъ и даже выгнанъ изъ Бриена, но подкрѣпясь корпусомъ Сакена онъ поколотилъ порядкомъ злодѣя, занялъ опять Бриенъ и отнялъ нѣсколько пушекъ съ плѣнными, заставивъ непріятеля ретироваться; у насъ тоже отступилъ непріятель 1½ часа и завтра предполагаемъ быть порядочному дѣлу.—При канонадѣ сегодняшней въ городѣ была чрезвычайная тревога между жителями они прибѣгали къ намъ искать утѣшенія; но благодаря Богу страхъ ихъ прошелъ и мы здѣсь.

Говорятъ также, что Коленкуръ, прѣзжавшій въ Шалокъ съ предложеніями мира на томъ основаніи, чего требовали мы въ перемиріе при Швейдницѣ—очень смѣшномъ въ теперешнемъ нашемъ положеніи прогнанъ, и союзные государи не хотятъ уже болѣе толковать съ Бонапартомъ, но прямо съ націею; — Боже, благослови низложить злодѣя, угнетающаго человѣчество и проливающаго кровь для собственнаго властолюбія, — увѣнчай этимъ щедроты Твои, на насъ изліянныя, и осчастливь истиннымъ и прочнымъ миромъ. Завтра, кажется, рѣшено уже подраться; у принца сегодня ранили Вахтена и изрядно еще изъ корпуса, что-то завтра будетъ?

Сообщ. Б. В. Каховскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

